Положение Запорожского казачества после разрушения Сечи

Прочее

Участь различных слоев запорожского казачества после разрушения Сечи была далеко не одинаковой. В результате дифференцированной политики, проводимой правительством по отношению к бывшим запорожцам, часть старшины получила земли, чины и связанные с ними дворянские привилегии. Это сливало ее в экономическом и правовом отношении с господствующим в империи классом — помещиками.18 июня 1775 г., т.е. тотчас после разрушения Сечи, новороссийский генерал-губернатор Потемкин в письме на имя генерал-поручика П.А. Текелия требовал «о заслуженных же из них (старшин — В.Г.) и достойных уважения людях прислать ведомость». Спустя четыре месяца, 11 октября 1775 г., Потемкин напомнил Текелию о необходимости представить именные списки на всех старшин и казаков, «кои в преступлениях Кошевого и его единомышленников нимало не участвовали» и отличились усердием в минувшей войне. За такими старшинами и казаками сохранялись жалованье и провиант по нормам военного времени.Потеряв в результате ликвидации Сечи положение правящей в крае верхушки, старшины толпой ринулись к начальству за царскими «милостями». Они выставляли перед ним свои действительные и мнимые заслуги, чтобы получить чины и земельные пожалования. От старшины не отставало и богатое казачество. Поток просьб и ходатайств о выдаче аттестатов, удостоверявших благонадежность и заслуги, был обращен прежде всего к

непосредственному начальнику — подполковнику Норову, назначенному правительством комендантом бывшей Сечи. Получив прошения, комендант выдавал аттестаты и писал рекомендательные рапорты по начальству. Большое количество рекомендаций обратило на себя внимание Текелия. Чтобы ограничить число просителей, был установлен бюрократический фильтр. 2 декабря 1776 г., т.е. через полтора года после разрушения Сечи, Текелий приказывал Норову соблюдать строгость и осторожность при представлении рапортов и выдаче аттестатов: бывшие запорожцы, в частности, должны были к своим прошениям прилагать положительные отзывы от генералов и офицеров.Раздавая запорожские просторы русским, украинским и польским помещикам, крупным, средним и мелким, князьям, графам и простым дворянам, генералам и подпрапорщикам, правительство щедро оделяло и запорожскую старшину. Полковой старшина Лазарь Глоба просил новороссийского губернатора Языкова закрепить за ним в вечное пользование разведенные им в Половице сады. Аттестат, выданный Глобе 25 сентября 1775 г. генерал-майором Дебалиным и приложенный к прошению, гласил, что «никаких развратных поступков против нынешнего положения сего края за ним не предусмотрено, а напротив того старался всячески непокоривых и развратных товарищей приводить в повиновение высочайшей монаршей власти».Согласно ведомости, составленной Азовской губернской канцелярией в 1776 г., из 92 человек, получивших поместья в Екатеринославском уезде, одиннадцать были запорожскими старшинами. При этом некоторые из них полупили по два участка: полковой старшина Рудь, например, получил 3 тыс. дес. удобной и 300 дес. неудобной земли в верховье реки Беокировки и 9 тыс. дес. удобной и 300 дес. неудобной в верховье р. Нижней Терся, всего, таким образом, 12 тыс. дес. удобной земли.Конечно, при пожаловании правительство отодвигало бывшую старшину на нижнюю ступень, предоставляя первенствующее место титулованным помещикам. Князья Вяземский и Прозоровский, например, получили по 100 тыс. дес. земли каждый.Однако так или иначе, а часть бывшей запорожской старшины была введена в разряд феодальных землевладельцев. Одновременно с землей

старшина получала и крестьян в лице бывших запорожских казаков и «посполитых», не говоря уже о том нелегальном и полулегальном элементе Запорожья, который она всякими правдами и неправдами закрепостила позднее. В черноморском архиве сохранилась любопытная ведомость, составленная 9 февраля 1793 г. о бывших запорожцах и поселянах, попавших в крепостную зависимость к помещикам Екатеринославского уезда. Из ведомости видно, что за полковым старшиной (фамилия неразборчиво) з слободе Михайловке закреплено: казаков — 19 человек мужского пола и 19 женского, поселян— 50 мужского и 40 женского пола, а всего 69 мужского и 59 женского пола; за капитаном Головатым по хутору Веселому записано: казаков — 4 человека мужского и 5 женского пола и т.д. Таким образом, свой брат запорожец, получив дворянство, затягивал на казачьей шее крепостническую петлю не хуже русского или украинского столбового дворянина.Бывший азовский губернатор, исполнявший затем обязанности харьковского и воронежского губернатора, В. Чертков, выдавая 24 мая 1782 г. аттестат бывшему полковому старшине Онуфрию Целенко, так характеризовал поведение последнего: «Целенко с протчим и таковыми не участвовал в буйстве бывшего коша Запорожского и напротив того отличавшимся ревностною в походах службою и храбрыми подвигами». Чертков просил о награждении Целенко обер-офицерским чином. Через десять лет, 7 октября 1792 г., Целенко, ставший уже к этому времени черноморским старшиной, в прошении на царское имя писал, что он после разрушения Сечи «употребляем был в разные по земству дела» губернатором Чертковым, и подчеркивал свои заслуги перед властями.Та часть старшины, которая оказалась обойденной вниманием властей, продолжала энергично напоминать о себе и забрасывать начальство своими просьбами. Тот, кто не надеялся на особое внимание, спешил сохранить свое наличное имущество — зимовники, табуны, стада и добивался освобождения от разных поборов, реквизиций, повинностей. В аттестате полковому есаулу Иеремии Малому Текелий писал о неприкосновенности зимовника Малого за р. Самарой и двора в г. Самаре, а также о защите его от «обид и озлоблениев». В таком же

порядке за старшиной Яковом Качаловым был сохранен зимовник, а за старшиной С. Раменским — владение в Барвенковостенковском уезде5. Старшине подражали и некоторые рядовые казаки, богатые и пронырливые, скоро сумевшие протоптать тропинку к влиятельным лицам и заслужить их официальное благоволение. Запорожский казак Белецкий, например, быстро выслужился, получил чин, землю и крестьян. В 1790 г. возникло целое дело по поводу истязаний и притеснений Белецким (ставшим уже к этому времени капитаном) своих подданных, бывших запорожских казаков, зачисленных в черноморцы. Бывший запорожец Калина жаловался черноморскому кошевому атаману Чепеге на издевательства Белецкого и присвоение им имущества. Чепега, характеризуя Белецкого, доносил: «И сам с таковых же запорожцев, а только в Запорожьи как старшиною, так и честным казаком не был... В производство же вышел не через рекомендацию запорожских старшин, а через помершего г. губернатора Синельникова за население ему, Синельникову, в Ненасытце деревни».Ту часть старшины, которая внушала определенные опасения относительно своей лояльности, правительство брало под надзор. Отношение к ней Потемкин сформулировал так: «Закоренелых в грубости старшин... стараться всеми возможными образами удалить не только от всякого между ними большого сообщества, но и в такое место, где бы они в неослабном над ними надсматривании быть могли».Неблагонадежные старшины подверглись общей участи рядовых запорожских казаков. Не встречая защиты и поддержки со стороны государственных властей, они в отдельных случаях не могли избежать даже крепостнических пут. Бывший запорожский полковой хорунжий Л. Коломийченко, впоследствии черноморский старшина, в своем прошении черноморскому Кошу от 16 июля: 1789 г. писал: «По разрушении Сечи имел жительство Новомосковского уезда во владении князя Прозоровского в слободе Дереберщине в вольности, а в минувшую ревизию кн. Прозоровский неведомо как поместил меня в число подданных». Коломийченко был далеко не единственным. Это и понятно, т.к. только офицерский чин мог выделить бывшего старшину из массы казачества.Непривилегированным элементам из бывшей запорожской

старшины не всегда удавалось сохранить независимое положение в экономическом и правовом отношениях. В особенности это относится к тем богатым и зажиточным зимовничанам, которые хотели избежать хозяйственных потрясений и отказывались от переселения в слободы. Угодия таких хозяев, попадая в результате размежевания в границы помещичьих владений, делались жертвой барских вожделений, а сами хозяева становились крепостными. Запорожский полковой есаул Игнат Каплун жаловался в 1786 г. правителю Екатеринославского наместничества Синельникову на притеснения со стороны коллежского секретаря П. Панчинского, который вторгся в зимовник Каплуна, купленный им у старшины Я. Качалова, и забрал пару лучших волов стоимостью в 30 руб. Позже, несмотря на жалобу пострадавшего, Панчинский разрушил хутор Каплуна: разорил загоны (загороди), выгнав оттуда в ненастную погоду стадо овец, разбил двери амбара и потравил свиньями хлеб, забрал разное имущество и т.д. Каплун добавлял, что Панчинский во время этого наезда избил его работников. Конечно, попытки Каплуна найти защиту были безуспешны. В своем объяснении от 22 апреля 1786 г., представленном и. о. исправника поручику Пугачевскому, Панчинский резонно возражал, что хутор Каплуна по размежеванию вошел в его дачу и Каплуну следовало «землю очистить» и переселиться на общем основании в слободу. Более того, Панчинский заявлял, что Каплун, упорно не желая выселяться, тем причинял ему убытки. При такой юридической постановке вопроса бесчинства Панчинского на зимовнике отодвигались на задний план. Жалоба Каплуна была признана неосновательной.Таким образом, запорожская старшина после разрушения Сечи попала в разные разряды населения. Если часть ее, получив дворянство и землю, образовала ядро местного степного украинского дворянства, то непривилегированные элементы из ее среды стали в своем большинстве поселянами казенных и воинских слобод, купцами и мещанами, войдя в разряд податного населения империи. Отдельные же лица, как например Коломийченко, попали в крепостную зависимость. Часть бывших старшин выселилась на Левобережную Украину и там, под охраной своих аттестатов,

осталась на положении свободного населения.Непривилегированная старшина, оставшаяся на территории Запорожья и превратившаяся в казенных поселян, представляла собой большую часть всей бывшей запорожской старшины. В ее экономическом положении, исключая те случаи, когда она разорялась помещиками, не произошло никаких коренных изменений. Ее хозяйство продолжало существовать на прежних социальных началах: эксплуатация вольнонаемного труда как основа хозяйственного процветания сохранялась в полной силе, несмотря на ряд возникших неблагоприятных условий.Наемный труд продолжала применять в своем хозяйстве и та часть старшины, которая получила офицерские чины. Об этом говорят следующие данные. Бывшая запорожская старшина, вступая позднее в Черноморское войско, передвигала за Буг, а затем на Кубань свое хозяйство в той социальной оболочке, которая сложилась на Запорожье и удержалась после разрушения Сечи. Вот несколько наиболее характерных примеров.В ведомости от 1794 г. о прибывших на Кубань мы находим такие данные: у полковника армии секунд-майора Ивана Шама числится эконом Гаврила Шакун, 28 лет, и десять работников: Петр Козуб, 40 лет, Трофим Швец, 45 лет, Петр Нечуй-Ветер, 18 лет, Иван Миколаенко, 23 лет, Василь Письменный, 46 лет, Федор Сопелняк, 50 лет, Мирон Невмивака, 30 лет, Лукьян Товстый, 20 лет, Василь Короткий, 25 лет и Каленик Семилетко, 12 лет. К старшине поручику Майбороде с обозом прибыли работники: Петр Бадайва, 27 лет, Иван Швидкий, 26 лет, Корней Плохий, 25 лет. Младший войсковой есаул армии секунд-майор Константин Кордовский и полковой старшина армии капитан Трофим Рахмановский в прошении Кошу от 7 июня 1794 г. писали: «Для перехода на всемилостивейше пожалованную войску Черноморскому землю с Екатеринославского наместничества, Херсонского уезда, с города Берислава со всем нашим имуществом и работниками сего войска козаками яко то прикащиком Михайлом Вишнею, Матвеем Корхом, Михайлом Белым, Михаилом Бойко, Антоном Черным, Левком Гопитом, Юрком Шлепаком, Матвеем Барвенским... (всего поименовано, кроме приказчика, 14 работников. — В. Г.) покорнейше просим выдать паспорт».Во всех приведенных примерах мы

видим наемных работников и, что примечательно, не находим крепостных.В неодинаковом положении очутилось после разрушения Сечи и нечиновное, рядовое казачество. Отдельные элементы его, как видно из дела о Белецком, проникали в тесный круг привилегированной старшины. Более медлительные, не обнаружившие такой житейской прыти, отыскивают узкую дорожку к властям предержащим, запасаются аттестатами и рекомендациями и мирно сидят зимовниками на старых местах. Бывший запорожский казак Евсей Арциборзинский, в свое время женившийся на дочери запорожского старшины Павла Дикого, позже черноморец, на допросе 3 апреля 1798 г. показывал: «По разрушении ж войска Запорожского, получа от бывшего тамо начальника генерала Текелия за продолженную им в том войске службу отставку, жил при речке Базавлуке и околичных оному местах со всем семейством своим лет с пятнадцать ...».Чтобы получить вполне конкретное представление об имущественном положении и характере хозяйства бывших запорожцев после ликвидации Сечи, достаточно познакомиться с жалобами, которые подавались ими в 80-90-х годах XVIII в. на помещиков. Жалобы были вызваны тем, что помещики стремились удержать бывших запорожцев от поступления в Черноморское казачье войско и захватывали их имущество. Вот реестр имущества бывшего запорожца Данила Карпенко, которое было захвачено помещиком подполковником Милорадовичем. Реестр составлен 10 февраля 1793 г. и приложен к копии рапорта черноморского Коша Екатеринославской наместнической канцелярии от 23 марта 1793 г. Карпенко потерял четыре пары волов, причем три пары с возами и упряжью, 11 коров (шесть из них были с телятами), 16 быков и телушек разного возраста, 18 овец (с ягнятами), 67 гусей, 40 кур, четыре улья с пчелами и 80 порожних, два плуга, из которых один «с железом», две сохи, трое воловьих саней и одни конские, бредень, три вентеря, пять четвертей муки, две четверти пшена, 40 мешков проса, разного хлеба на гумне на 268 руб., четыре пуда свиного сала, четыре пуда коровьего масла, свыше 300 аршин полотна и множество домашних вещей, дающих прекрасное представление о быте богатого запорожца. Убытки Карпенко составили внушительную сумму в 2202 руб. 67 коп.При этом нужно

иметь в виду, что в указанную сумму не вошла стоимость дома, хозяйственных, служб и другого» имущества, принадлежавшего Карпенко. Не менее интересен следующий пример. Помещик слободы Водополье, Новомосковского уезда, Леванидов захватил имущество у бывшего запорожца Демьяна Лейки, типичного «лыцаря», старого холостяка. Хозяйство Лейки выглядело следующим образом: 10 пар волов ценою 350 руб., 15 коров с телятами— 210 руб., шесть пар быков— 156 руб., 31 яловая корова — 310 руб., итого крупного взрослого рогатого скота 78 голов; 145 лошадей (из них 60 кобыл с жеребятами) и 30 годовалых жеребят, а всего 175 голов лошадей, не считая 60 жеребят, ценой 3021 руб. 50 коп. Кроме того, Лейка потерял 22 пня пчел в 55 руб. и невод с дубом и всеми принадлежностями к нему в 136 руб. Все захваченное Леванидовьгм имущество Лейки оценивалось в 3858 руб. 50 коп. Как и в первом случае, в реестре не указано многое другое, чем владел Лейка, например сельскохозяйственный инвентарь, хлеб, постройки и пр.У трех бывших запорожцев, имевших общее хозяйство, Дениса Бомбита, его дяди Трофима Бристеля и «товарища» Артема Черного помещик слободы Голенки, Екатеринославского уезда, Фадеев захватил имущество на Сумму 3622 руб. 50 коп. Хозяйство Бомбита, указанное в реестре, представлено в основном табуном лошадей и стадом крупного рогатого скота. Все три упомянутых хозяйства имели, однако, и посевы под пшеницей, рожью и т. д. У двух бывших запорожских «лыцарей», «товарищей», черноморцев Антона Забияки и Демьяна Костыры помещик Леванидов захватил табун лошадей и стадо рогатого скота ценой в 1956 руб. У двух других «товарищей» черноморцев Ивана Моцного и Петра Ляда помещик Новомиргородского уезда, Екатеринославского наместничества, Нелюбов захватил на р. Ингуле, в Медведовой даче, лошадей и скота на сумму 1338 руб.Бывший запорожский казак Батуринского куреня Никифор Щеоотник, попавший в подданство к князю Вяземскому в слободу Покровку, Екатеринославского уезда, потерял следующее имущество, захваченное у него помещиком: «Два дворы, две избы с пристройками (100 руб.), две мельницы (одна плотинная и одна ветряная— 296 руб.), волов рабочих 20 шт. ценою 300 руб., коров с телятами 50 шт.— 500

руб., быков третьяков и яловиц 50 шт.— 450 руб., кобыл с жеребятами 150 шт.— 3 тыс. руб. и свиней с кабанами старых 40 шт.— 80 руб.». Все имущество, потерянное Щепотником, оценивалось в 4726 руб.«Батуринского куреня прежней службы атаман походной Иван Щепотник», повидимому брат Никифора, также оказался жертвой того же Вяземского, который отнял у него: «дом со всей постройкою и с заведенным садом разного овощу» стоимостью 200 руб., 8 рабочих волов— 120 руб., 6 быков четвертаков — 60 руб., 17 коров с телятами — 204 руб., 20 быков третьяков и телок— 120 руб., 100 кобыл с жеребятами и яловых — 2 тыс. руб., 70 ульев с пчелами— 140 руб., 60 овец— 120 руб., 15 свиней — 45 руб. Свои убытки И. Щепотник оценил в 3 тыс. руб.Представить среднее хозяйство бывшего запорожца позволяет следующий пример. 14 июня 1789 г. три черноморских казака, бывшие запорожцы, подали войсковому судье Головатому прошение по поводу ограбления их помещиком капитаном Г. Губенко, тоже бывшим запорожцем. Излагая свое дело, казаки писали: «Находились мы прежде в бывшем запорожском войске даже до отакования оного, имели жительство зимовниками в урочище Щуровке, а по отаковании и размежевании бывшей запорожской земли остались за г. капитаном Герасимом Малым», а позднее, когда Малый продал свою дачу Губенко, они стали подданными последнего. При вступлении означенных просителей в черноморцы Губенко захватил у них имущество, реестр которого и приложен потерпевшими к прошению. У казака Ивановского куреня Логвина Бондаря было захвачено две пары волов, три коровы с телятами и одну яловую, одну лошадь, пятнадцать мешков разного хлеба; у казака Якова Бондаря — две пары волов, одну корову с телятами, одну яловую, два назимка, одну телку, десять мешков разного хлеба и десять рублей наличными деньгами. Перечисленное имущество было захвачено в зимовниках. Кроме того, Губенко со своей челядью настиг этих казаков по дороге на Черноморье, куда они пытались уйти, и отнял еще пару волов с возом, лошадь в упряжке, а также платье, обувь, хлеб и деньги.Бывший запорожец Михаил Шеобяк, имевший жену, двух детей и взрослого брата, жил в слободе Грушевке, Екатеринославского уезда, у князя Вяземского. В

представленном им реестре разграбленного помещиком хозяйства числится: хата с пристройкой ценой 30 руб., две пары рабочих волов — 60 руб., восемь голов быков- третьяков — 100 руб., две телки по третьему году — 16 руб., 15 коров с телятами — 150 руб., две кобылы и лошак-третьяк— 50 руб., 27 ульев — 67 руб. 50 коп., 14 свиней — 28 руб., плуг со всей упряжью — 8 руб., 15 порожних бочек — 7 руб. 50 коп., 16 четвертей ржи — 64 руб., 1,5 четверти проса — 5 руб., а также невод с дубом и со всем припасом — 100 руб. Все потерянное Шеобяком имущество оценивалось в 686 руб.Примеров подобного рода можно привести много.Бывшие запорожцы старались сохранить независимое положение. Для этого они входили в разного рода сделки с наседавшими со всех сторон помещиками. Запорожец Харитон, как видно из его дела от 1799 г., после разрушения Сечи жил в казенном селении Романовском, Екатеринославского уезда, «а для скотоводства нанимал землю Таврической области, Днепровского уезда, в княгини Вяземской». Запорожец Федор Шпендицкий в 1785 г. заключил с экономом князя Вяземского Розенфлянцером контракт на право ловли рыбы в угодьях Вяземского. По условию Шпендицкий обязывался заплатить за право ловли 100 руб. и дать 5 хороших осетров или 50 стерлядей. У того же князя Вяземского по договору арендовали в 1787 г. рыбные угодья казаки Иван Соха, Ерема Васильев, Яков Лысый и др. Богатый запорожец Федор Демеш, проживая в своем зимовнике в урочище Пругнике, у р. Самары, платил помещику генералу Карыбину 12 руб. в год за выпас скота3. Казак Иван Белоус проживал «на вольной нанятой для хлебопашества земле Херсонского уезда в слободе помещика прапорщика Байдаченка» и т.д.Удержаться, однако, на таких слишком непрочных договорных отношениях было невозможно, так как размежевание бывших запорожских просторов неумолимо включало казачьи зимовники в помещичьи дачи. Крепостная кабала в этом случае была неизбежна. Привожу характерный пример такого межеумочного положения, изложенного бывшим запорожцем Ефимом Дуденко в прошении от 18 июня 1789 г. в черноморский Кош. «Прежде сего находились мы, — писал Дуденко,— в бывшей Сечи с братом своим родным Кондратом Чабаном до разрушения. А по разрушении

Сечи остались мы жить у Великом Логу и жили мы до того времени, покудова стали землемеровать Екатеринославского наместничества, тогда мы сошли со оной земле на Таврическую область и сидели мы зимовником проты господина подполковника Алексея Ивановича Писменского и нанимали мы землю для скота, сенокосу и хлебопашества, и неизвестны мы, как оной господин Писменский себе нас у подданство записал, потому ж мы были записаны Новомосковского уезда Александровского посада в мещанском окладе».Куда бы не пытался перенести свое хозяйство казак, всюду его преследовал помещик. Иногда на земле, прилегавшей к зимовнику, появлялись межевые знаки нескольких помещиков. Тогда имущество казака и сам он становились жертвой нескольких крепостников. Так произошло с богатым запорожцем Одношевным. После разрушения Сечи он продолжал сидеть со своим огромным хозяйством в урочище Одношевном у Ингула. Трагедия для него началась с момента приезда соседа-помещика генерала Гендубака, предложившего Одношевному стать крепостным. Впрочем, Гендубак этим и ограничился. Появившаяся вслед за ним вдова майора Гариха попросту присвоила 50 голов окота из стада Одношевного. Третьему же лицу, княгине Волошской, отошли все угодья зимовника. Новая помещица поручила надзор за своим поместьем полковнику Грекову, а последний — своему управителю поручику Желунскому. Управитель потравил хлеб Одношевного и своими притеснениями принудил бывшего запорожца оставить насиженное место. Разыскивая выход из создавшегося положения, Одношевный вошел в соглашение с осадчим генерала Соймина и накосил для своего скота сто копен сена в угодьях Соймина. Но приказчик этого помещика Потанин забрал сено и т. д. Перечисляя убытки в приложенном к жалобе реестре, Одношевный назвал немалую сумму — 1730 руб. Каково же было положение основной массы запорожцев после разрушения Сечи? Часть казаков, а также запорожских посполитых, закрепощалась, другая записывалась поселянами казенных и воинских слобод, Небольшая группа приписывалась в купцы и мещане. Часть бывших запорожцев из числа реестровых казаков ушла на Левобережье, другая — покинула пределы империи и составила основу

возникшей несколько позднее Задунайской Сечи.Большая часть бывших запорожцев очутилась в крепостной зависимости у русских и украинских помещиков. Только в одном Екатеринославском уезде, по ведомости от 9 февраля 1793 г., за помещиками числилось бывших запорожских казаков 2534 человека мужского и 1831 женского пола, а также запорожских поселян 1594 мужского пола и 1203 женского. В Александровском уезде было закрепощено запорожских казаков 1201 человек мужского пола и 394 женского, поселян 482 мужского и 371 женского пола, а всего по двум уездам казаков 3735 мужского пола и 245 женского, поселян 2076 мужского и 1574 женского пола.Официальные документы часто подчеркивали, что превращение бывших запорожцев в крепостных было добровольным делом. 2 марта 1786 г. правитель Екатеринославского наместничества Синельников сообщал в канцелярию Потемкина: «О запорожцах знаю что сказать, ибо о них был манифест, чтоб ишли по разрушению Сечи, куда пожелают, из коих некоторые пожелавшие и записались за помещиками, по их желаниям». Выше мы видели, сколь страстным было «желание» у богачей-зимовничан стать крепостными, вручив свое огромное хозяйство «человеколюбивому» попечению титулованных господ и их управителей.Помещики в большинстве случаев автоматически включали население бывшего Запорожья в ревизские сказки (перепись населения). Группа бывших запорожских казаков Екатеринославского уезда в своем прошении от 8 июня 1789 г., излагая обстоятельства закрепощения их помещиком майором П. Халчевским, писала, как об обычном происшествии, о том, что Халчевский, получив дачу, где они жили, записал их в подданство. Подобных документов можно привести множество. Злоупотреблениям помещиков в таких случаях не было предела, так как они находились под покровительством и низшей, и высшей администрации, которая сама не упускала возможности приобрести себе бесплатно крепостных. Весьма деятельно, например, записывал запорожцев в крепость за собой азовский губернатор Чертков, по поводу чего в черноморском архиве сохранилось множество жалоб казаков. Потемкин закрепил за собой лишь в слободе Грачевой, Екатеринославского уезда,

казаков 247 мужского и 83 женского пола, поселян 279 мужского пола и 322 женского, а всего 931 человека.Часть казаков бежала, как отмечалось, на Левобережье. Однако и там избежать крепостничества было почти невозможно. Запорожец Роман Малый рассказывал, как он, уйдя в Лубенский уезд, волей-неволей стал подданным помещика Значко.Многие запорожцы бежали в другие, более отдаленные места империи. Запорожец Иван Баран, происходивший, по его словам, из малороссийских казаков и вступивший в Сечь в 1764 г., по разрушении Сечи «жил по разным местам» и, наконец, «Саратовского наместничества, Камышанского уезда, в казенной слободе Николаевне».Еще больше оснований не возвращаться на родину имели бывшие крепостные. Они попадали снова в разряд крепостных крестьян тут, на Запорожье. Иногда такие бывшие запорожцы пробовали бежать: 25 казаков, например, после разрушения Сечи бежало в местечко Балту, в имение Любомирского. Последний принудил их записаться в подданство. Однако и там им долго не довелось жить: управляющий имением шляхтич Коленда довел своими притеснениями бывших казаков до того, что они не выдержали и, забрав жен и детей, бежали на Очаковскую сторону.Окруженные со всех сторон помещиками, бывшие запорожцы становились крепостными. Запорожцы Гаденко, Мирошник и другие в своем прошении от 14 июня 1789 г. так рассказывали об этом: «По разрушении Запорожья каждый с нас, не имея средств к прожитию себя, женились, а затем по желанию нашему записались в число подданных Алексопольского уезда у разных господ».Легко представить себе, с каким вожделением помещики стремились записать себе в подданные бывших запорожцев, в особенности зажиточных и богатых, хозяев отлично устроенных зимовников, коневодов, скотоводов, владельцев рыболовных промыслов, чумацких обозов и т.д. Такие подданные действительно были курами, несущими золотые яйца. Вот несколько примеров. Бывший запорожец Семен Губенко, вступивший в Черноморское войско, жаловался на своего помещика кн. Вяземского, отобравшего у него имущество. В лице Губенко перед нами выступает внушительная фигура запорожского нечиновного богача-зимовничанина.

Это— скотовод и коневод, занимавшийся к тому же и земледелием. Помещик отнял у Губенко следующее имущество: шесть голов рабочих волов, 21 корову с телятами, четыре быка, восемь годовалых телят, 14 лошадей, 130 овец, 15 свиней, плуг с упряжью, посевы и т.д., всего на сумму 1109 руб. У бывшего запорожца Конона Кононенко, имевшего жену, двух братьев и племянника, помещик Новомиргородского уезда бригадир Нелюбов отнял на даче Ведмедовской табун лошадей в 47 голов, не считая жеребят, пару волов и значительные посевы. Стоимость лошадей и скота Кононенко определил в 1038 руб. Кроме того, прежний помещик Седнев, от которого Кононенко перешел к Нелюбову, присвоил его усадьбу. Стоимость ее потерпевший определял в 158 руб.Прошение в черноморский Кош от 26 июня 1787 г. трех бывших запорожцев дает некоторое представление о переходных формах зависимости, которые устанавливались между бывшими запорожцами— богачами и их господами. Матвей Губа, Герасим Пикатый и Савва Тараща жаловались на помещика слободы Седневки, который, как видно из прошения, задолжал им деньги: Пикатому — 30 руб., Губе— 40 руб. и, кроме того, отнял хлеб и скот. Бывшие запорожцы считали деньги временной ссудой, данной помещику, и просили содействия в ее возврате, а также о возмещении других убытков. Я. П. Новицкий, занимавшийся историей степной Украины, сообщает, что часть запорожских казаков, перешедших после разрушения Сечи сначала на ранговую дачу Потемкина, а от него к графине Скавронской, была закрепощена ревизской сказкой 1782 г. Первоначально новые крепостные не отправляли барщины, а платили владельцам по 10 руб. ассигнациями (2 руб. 85 коп. серебром с ревизской души); лишь в 1824 г. их перевели на барщину.Бывшие запорожские слободы и зимовники становились опорными пунктами колонизации Новороссии. Однако прошло известное время, пока эти слободы стабилизовались. Запорожцы-зимовничане долго сопротивлялись политике правительства, стремившегося разрушить старые обычаи землевладения и землепользования, покоившиеся, в основном, на вольной заимке, и перевести бывших казаков из зимовников в слободы под надзор властей.Первым шагом правительственных властей после разрушения

Сечи было стремление учесть земельные фонды и население бывшего Запорожья. 18 июня 1775 г. Потемкин предписал Текелию распорядиться «снять верную карту Сечи Запорожской и их бывшего владения». Одновременно Текелий составил описки зимовников и слобод, учитывая в административных и фискальных целях количество населения. Результаты проведенных подсчетов и описаний, сохранившиеся, к сожалению, лишь в фрагментах, были мало удовлетворительными с правительственной точки зрения. Огромные земельные пространства, вошедшие в состав двух губерний — старой Новороссийской, границы которой теперь были исправлены, и вновь образованной Азовской, — оказались занятыми преимущественно зимовниками, исчислявшимися тысячами. При таком положении проект размежевания земель, намеченный правительством, встречал значительные препятствия.Проведение размежевания с выделением владений, принадлежащих зимовникам, было затруднено крайней условностью и неопределенностью их размеров. Если по внешним признакам можно было определить границы земледельческого хозяйства, то совершенно невозможным оказывалось установить пределы землепользования скотоводческих и коневодческих хозяйств, тем более, что экстенсивный характер запорожского животноводства побуждал зимовничан стремиться к занятию огромных пространств. Так же обстояло дело и с рыболовными угодьями.Уничтожение зимовников и сосредоточение бывших казаков в слободах неизбежно привело бы к разрушению и упадку их хозяйства, к недовольству населения и бегству за пределы Запорожья. При таких обстоятельствах проекты быстрого хозяйственного оживления края, роста его населения и, разумеется, фискальные цели были бы неосуществимы. Вот почему действия главного руководителя края Потемкина часто отличались непоследовательностью. Как видно из его ордера Черткову от 24 сентября 1775 г., вначале он принял предложение Текелия о немедленном переводе зимовников и сосредоточении их в виде деревень вблизи проезжих дорог. В таком духе и были даны указания местным властям. Можно легко представить, как на это реагировали зимовничане, бывшие казаки и

старшины. Бесспорно, такие распоряжения были сильнейшим ударом для хозяйства, вызывавшим и растерянность, и недовольство.Кроме потрясения и ломки хозяйства зимовника, сам факт перевода на новые места болезненно затрагивал жизненный нерв хозяйства — рабочую силу. Мы знаем, что процветание зимовников покоилось на эксплуатации труда казачьей серомы, а также разного нелегального и полулегального люда. Значительная часть работников не могла пойти вслед за своими хозяевами в слободы и деревни, так как неизбежно попала бы в проскрипционные списки, тем более, что немедленно после разрушения Сечи, 31 августа 1775 г., Потемкин направил генералу Муромцеву ордер о розыске в пределах Запорожья беглых помещичьих крестьян и возврате их господам. К тому же многие помещики, не дожидаясь содействия властей, самостоятельно разыскивали своих крестьян, направляя на территорию бывшей Сечи сыщиков и уполномоченных. Часть серомы вынуждена была бежать за пределы Запорожья.Сознавая опасность ухода населения, Потемкин в упомянутом: ордере Черткову предписывает уговаривать жителей оставаться на Запорожье и вообще употреблять «всевозможные к удержанию их меры».Менее чем через год, 22 марта 1776 г., было издано «повеление» об оставлении за запорожскими старшинами и казаками прежних зимовников до нового генерального размежевания и об отказе новым просителям занимать зимовники. Это была, впрочем, лишь временная отсрочка в проведении намеченных планов. Как только началось размежевание, местные власти неослабно стали нажимать на зимовничан, побуждая к переселению в слободы.Трудная и сложная операция переселения вызвала ряд дополнительных мероприятий. В этой связи интересен рапорт Славянской провинциальной канцелярии новороссийскому губернатору Языкову от 11 апреля 1779 г. о средствах, коими следует поощрять переселение бывших запорожцев в города и слободы. Рапорт излагает содержание распоряжений Языкова по сему предмету. Констатируется, что распоряжение о переходе в слободы не исполняется старшинами и казаками, «а остается прежняя дикость и своенравие, когда рассыпавшись живут в зимовниках». Главный вред такого

положения усматривается в том, что запорожцы, «уклоняясь от обще жительства, женитьбы, обзаведения хозяйства и пристойного домостроительства, дают вид прежних грубостей и не обнадеживают быть надежными гражданами и полезными себе и обществу поселянами».Для поощрения переселения губернские власти объявили о ряде льгот. Прежде всего, переселенцам разрешалось «для содержания их скота иметь вместо зимовников в тех самых округах хутора», но с условием, чтобы каждый переселяющийся построил в городе или слободе по приложенному плану дом. Кроме того, переселенцам: было обещано право свободной торговли и право пользования рыболовными и другими угодьями в границах слободских и городских владений. В дополнение к этому они освобождались от разных повинностей и от податей сроком на два года и т.д. Одновременно с этим оглашались репрессии для ослушников; последние «подвержены будут к содержанию почты, всем податным нарядам и исправлением к нынешнему платежу от зимовников без всякого умаления». Повелевалось на местах составить списки зимовничан, в которые должны быть включены «именно хозяева и их работники». В качестве поощрения переселяющимся объявлялось о разрешении покупать на постройки казенные строения по твердым ценам с рассрочкой на два года.Переселение в первую очередь должно было коснуться старшин, «яко имеющих против протчих лутчий капитал», а тем более тех, «а кого было распространено благоволение правительства. Старшинам объявлялось, что «каждый взявший на слободу землю числитца будет помещиком»

Автор: Голобуцкий В.А.